

Израиль глазами москвички.

Мёртвое море. Мы прилетели в аэропорт Увда, расположенный неизвестно где. Точнее, его нет на картах, т.к. это военный аэродром, на который время от времени (по воскресеньям) сажают чартерные рейсы. Впечатление такое, что он находится на Марсе: вокруг красноватая пустыня. После Москвы кажется, что вокруг звенящая тишина. Хотя, конечно, и народ толпится, и автобусы отъезжают, и даже истребители стайками взлетают. Служба безопасности свирепа: на проверку паспортов уходит не менее часа. Фотографировать здание аэропорта категорически запрещено. А любоваться на истребители – пожалуйста.

Отсюда едем на север к Мёртвому морю. Дорога замечательная, хотя всего двухполосная, но пустая. Вокруг скалистая пустыня с фантастическими пейзажами. С точки зрения обычного москвича, пустыня – это большая песочница. Ничего подобного! На юге Израиля пустыня – это в основном скалы, один вид которых не допускает мысли о том, что вода существует в природе. Постепенно скалистая пустыня переходит в каменистую равнину, на которой кое-где встречаются чахлые колючки. Однако здесь обитают кое-какие травоядные (козлы, газели и т.п.), которые ухитряются находить еду. И вдруг, посреди такой пустыни – роща пальм. Конечно, рукотворная. И пальмы не для красоты, а для выращивания фиников. Вдоль дороги регулярно встречаются теплицы. Т.е. это в представлении северного человека они теплицы, т.к. у нас плёнку натягивают для того, чтобы температура внутри была выше, чем снаружи. Здесь это скорее "мокрицы т.к. ясно, что задача плёнки – удержать внутри влагу. Вид совершенно дикий: посреди абсолютной пустыни стоят полиэтиленовые полубочки. Но в них выращивают овощи и фрукты, которые экспортируют в не обиженное климатом средиземноморье. Да и в московских магазинах продают израильскую картошку. Встречаются вдоль дороги и настоящие бочки с водой, объёмом кубометров 100. Это аварийный запас. Такие бочки по израильским правилам должны стоять не больше чем в 50 км друг от друга. Необходимую для жизни воду кое-где получают из глубоких колодцев, а в других местах – по трубам из далёкого пресного озера Кенерет на севере Израиля.

Мёртвое море лежит на 400 м ниже уровня Мирового океана. Ясно, что к нему нужно спускаться. Но приближение к Мёртвому морю воспринимается как въезд в горы. Подъезжали в темноте, так что видно было мало. А именно: огромное количество огненных шаров, висящих в воздухе. При изучении вопроса выяснилось, что это заводы, перерабатывающие соль Мёртвого моря. В этой соли – вся таблица Менделеева. Из соли извлекают ценное сырьё и гонят на экспорт. Но сами заводы почему-то выглядят как скелеты зданий: железный многоэтажный каркас, на всех этажах которого горят яркие лампы. Возможно, это ошибочное ночное впечатление.

Кстати о ночи. Она здесь, как и положено тропическим странам, наступает внезапно. К тому же был канун равноденствия, Израиль находится примерно посередине своего часового пояса, а декретного времени там нет. Поэтому строго по расписанию солнце

включалось около 6 утра и стремительно набирало высоту. Точно также в 6 вечера солнце выключали и падала тьма. За час до полной тьмы солнце на небе стояло выше, чем в московский зимний полдень.

Мёртвое море – действительно мёртвое. Никто не живёт ни в нём самом, ни (исходно) на его берегах. Но, конечно, в 20-ом веке здесь расцвела туриндустрия. Поэтому посреди пустыни выросли роскошные отели, магазины, рестораны, лечебницы. Таков Эйн-Бокек.

Эйн-Бокек. Назвать его городом или посёлком язык не поворачивается – это просто скопление отелей. Причём где живёт обслуживающий персонал – непонятно. Судя по рассказам, приезжают из ближайшего городка, расположенного в часе езды и на 400 м (или более) выше. Можно позавидовать тренированности работников – каждый день полукилометровый набор и сброс высоты.

Отели от ★★★ до ★★★★★. Персонал (в ★★★) – арабы и выходцы из СНГ. Качество обслуживания и щедрость ниже, чем в Турции, но вполне терпимы. При каждом отеле – свой парк (куда ж без него), вне отелей растительности нет (лишь вдоль тротуаров). На газонах лежат шланги, которые их автоматически поливают по ночам. В каждом отеле – бассейн с пресной водой. В Турции это воспринималось как насмешка – для купания есть море. Здесь – плавать в бассейне одно удовольствие, т.к. в Мёртвом море особо не поплаваешь. Характерно, что в отличие от турецких отелей здесь плавать разрешается только в “рабочее время”, когда у борта бассейна дежурит спасатель. В нерабочее время подход к бассейну перекрывают. В дорогих отелях есть также бассейн с подогретой (до ок. 35°C) водой Мёртвого моря – для лечебных целей. Местные жители говорят, что в самом море сейчас (в марте) холодно – градусов 20-25.

К морю подойти сложно – везде отели со своими пляжами. Есть узкая полоска общедоступного бесплатного пляжа и роскошный пляж с платными стульями и шезлонгами. За окраиной Эйн-Бокека подход к морю свободный. Но купаться не на пляже категорически не стоит. Дело в том, что немедленно после купания необходимо облить-ся пресной водой (на пляже души есть в изобилии). Мёртвоморская вода разъедает даже здоровую кожу, а уж при наличии хотя бы царапины... В общем, “не сыпь мне соль на раны . . .” Впрочем, при разумном использовании вода оказывает целебное действие. Скажем, заскорузлые пятки тут же размягчаются, огрубелую кожу с них можно стереть как ластиком. Получаем омолаживающий эффект. Ещё лучше эта вода, судя по всему, действует на суставы, позвоночник и т.п. В результате сюда слетаются пенсионеры со всего мира, лечатся, отдыхают, общаются, резвятся, как дети.

Но в воде резвится нужно аккуратно. Вода даже на ощупь маслянистая. Если провести по ней рукой, видны завихрения, как в чае с сахаром. Дно местами состоит из соли – где пластом, где россыпью. На пляжах – песок, возможно, привозной. Погрузиться в воду целиком невозможно. Можно лежать так, что верхняя поверхность тела торчит над водой. Если погрузить ноги – торчат плечи. В результате я плавала сидя,

спиной вперёд. Окружающие поглядывали на меня с опаской: брызгаться этой водой категорически нельзя – а вдруг попадёшь в глаза? На каждом пляже сидит спасатель. Если на нормальном море задача спасателя следить за тем, чтобы кто не утонул, то здесь – следить, чтобы морская вода не нанесла какого вреда здоровью. Говорят бывали случаи, когда пострадавшего вывозили на вертолёт.

Пляж поразил меня наличием затопленных зонтиков с ведущими к ним поручнями. На наших пляжах такое возникает в результате разлива воды. Здесь поручни нужны для тех, кто хочет закинуть себя в воду целиком, а зонтики – чтобы при этом не изжариться на солнце.

Солнце здесь суровое. Мы были в марте, и я перед отъездом рассчитала высоту полуденного солнца: получилось – как в Москве в конце июня. Ерунда, подумала я, и не взяла защитных кремов. В результате через пару дней кожа приобрела яркорозвый цвет, хотя на пляже мы не лежали. Я думала, виновато море, но оказалось – просто солнце.

Эйн-Бокек, как и другие поселения в пустыни, стоит на источнике. Правда обнаружить источник непросто. Есть широкое сухое русло в бетонных берегах, глубиной ок. 2 м. Представить, что по этому руслу течёт вода, довольно сложно. Но под шоссе русло уходит в тоннель, на стенах которого есть линейка для измерения уровня воды. Изредка здесь случается сильный дождь, тогда русло на несколько часов заполняется водой. На трассе в каждом понижении стоят мерные линейки, чтобы в моменты таких кратковременных наводнений водители знали, смогут ли они проехать, или рискуют утонуть посреди пустыни.

Если пойти по сухому руслу вверх в горы, то обнаруживаешь удивительные вещи. По берегам появляются кусты.

Затем возникает ручеёк, текущий тебе навстречу. Затем ручеек перерастает в горную реку с водопадами. Пройти вдоль русла сложновато. Приходится идти либо по рассыпающимся скальным склонам, либо по воде. Любопытно, что в трудном месте прямо посреди реки проложены железные перила. Окружают этот райский уголок жёлто-красные слоистые, до звона выветренные скалы. Даже при наличии немалого горного опыта проходить под ними было страшновато: казалось, что куски от них могут отвалиться в любой момент.

Иерусалим. Один день мы потратили на экскурсию в Иерусалим. Впечатления потрясающие. Дорога занимает около полутора часов. Из них большую часть времени едешь вдоль моря. Слева – стена скал, справа синева, здесь похожая на настоящее море, за морем – Иордания, рукой подать. Море пересечено узкими полосками земли (соли?). Там, где эта полоса сплошная и широкая, прорыт канал, соединяющий две части моря. На других полосках стоят ворота (дачного типа), вероятно, обозначающие границу. К дороге выходят козлы с роскошными изогнутыми рогами, спокойно пощипывают что-то в камнях, не обращая внимание на проезжающих. В конце моря дорога

поворачивает налево, к Иерусалиму. Набор высоты – 1200 м. Верится в это слабо: доехали за полчаса без крутых серпантин. Пустыня кончилась, появилась травка и деревца на скалах. Вдоль дороги разбросаны “шатры” бедуинов сильно напоминающие халупы наших бомжей или “дачные” домики на участках самозахвата вокруг Москвы начала 90-х. Тем не менее, говорят, что бедуины отнюдь не нищие, т.к. владеют большими стадами, а цены на мясо и молоко весьма высоки.

К скалам лепятся посёлки, удивительно гармонично вписывающиеся в окружающую среду. Двух-четырёхэтажные дома как бы вырастают из неровностей рельефа. Таков и Иерусалим. Новый город (видели его издалека) гармонично дополняет старый, возраст которого переваливает за 3000 лет. Наверное, мы удачно выбрали время года, но контраст с пустыней оказался очень силён. Было ощущение, что попали в другой мир, наполняющий душу беспричинной радостью и восхищением. Радовались всему: зелёной травке, цветущей ветке, древней стене, которую продолжает вполне жилой захолутсный двор, открывшимся простором, овеванным аурой легенд. Увы, мы были далеко не одиноки. Многочисленные туристы создают вполне будничные пробки на дорогах, на входах в храм, на подходах к святыням. Аура, конечно, разрушается. Но всё же ощущение того, что прикасаешься к истокам, остаётся. Тем более, что с экскурсоводом повезло, рассказ был увлекательный и остроумный.

Масличная гора утопает в лесах, сквозь которые прорастают и храмы, и обычные дома. У её подножья мы видели маслины, которые должны помнить Христа – им более 2000 лет. Многочисленные храмы, конечно, действующие. В то же время в них толпами ходят туристы и паломники. Удивительно, но при этом в храмах идёт служба. Иногда молящиеся отделены от празднующихся небольшим барьером. А порой пришедшие паломники начинают свою службу - поют церковные гимны перед святыней. Это пение воссоздаёт ощущение святости, сильно подорванное толпой и очередями. Поющих не выгоняют, в то время как другим служители постоянно твердят: быстрее, быстрее, 30 секунд – и отошли.

По словам экскурсовода, большая часть храмов – новодел, всего-то век 12-й. Старые храмы разрушались, то правителями, то землетрясением. Но местами в храмах сохраняются и более древние участки. Вот здесь Христос просил Бога пронести мимо чашу страданий (древняя выветренная скала у стены храма). Вот здесь воскресла богородица (пещера, в которую можно протиснуться на минуту). Здесь умащивали маслами тело мёртвого Христа (камень до сих пор мироточит). А вот там (просуньте руку в глубокую щель) можно прикоснуться к камням Голгофы, на которой стоит храм.

Говорят, что святость данных мест превосходит святость любого священнослужителя. Поэтому любой человек может освятить любой предмет просто положив его в определённое место и прочитав над ним молитву. Результат такого утверждения печален. Многочисленные паломники толпятся у святынь и черпают святость... полиэтиленовыми пакетами (не знаю, почему так, а спрашивать не хотелось). А в Храме Гроба господня самое возвышенное впечатление производит свет, льющийся сквозь открытую часть купола в полутёмный храм. Вероятно летом, когда солнце ослепительно, этот

эффект ещё сильнее.

С масличной горы, даже с её подножья, открывается прекрасный вид на Старый город. Прямо напротив – Золотые ворота, у которых будет проходить Страшный суд. Ворота состоят из двух арок: правая - для праведников, левая – для грешников (все истории пересказываю со слов экскурсовода). Эти ворота – просто обычные ворота в стене Старого города. Но когда стало известно, что через них войдёт в город мессия, мусульмане, владевшие городом в тот момент, заложили ворота камнем. Более того, т.к. предполагалось, что мессией будет раввин, которым запрещено общаться с мёртвыми, то вокруг ворот мусульмане организовали кладбище, чтобы мессия уж точно не прошёл.

Вообще древние кладбища стоят особого упоминания. Хоронили умерших, естественно, за городом. Почва каменистая, закапывать сложно. Существовала следующая традиция захоронений. Каждая обеспеченная семья имела недалеко от города свою небольшую пещерку в скале. В эту пещеру укладывали покойника (она и размером с гроб), вход заваливали камнем и оставляли до тех пор “пока мясо от костей не отстанет”. Затем приходили кумушки “перемывать косточки” (буквально). Очищенные кости укладывали в урну и зарывали рядом с городом. Вероятно, эта традиция продолжалась долго. Поэтому сейчас все окрестности Старого города представляют собой сплошное кладбище, на котором камни стоят плотными рядами. У Христа, пришедшего в Иерусалим со стороны, конечно, никакой собственной пещеры не было. Поэтому его (по особому разрешению Пилата) похоронили в фамильной пещере одного из богатых последователей Христа. Сейчас на этом месте стоит Храм Гроба Господня. Увы христиане мира давно раскололись на отдельные конфессии, каждая из которых претендует на свою истину в последней инстанции и на свой кусочек Гроба Господня. Чтобы мирные христиане окончательно не переругались, в своё время мусульманский правитель вручил ключи от Храма Гроба Господня одной мусульманской семье. И с тех пор на протяжении многих веков один из представителей этой семьи каждый день отпирает и запирает ворота Храма.

В Иерусалиме повсюду оживают легенды. Скажем, известная библейская фраза: легче верблюду протиснуться в игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное. Спрашивается, почему верблюд? Что за ушко такое? И вот нам показывают одни из старых ворот города. Рядом – небольшой лаз. Пояснение. Город – на перекрёстке торговых путей, разбойников вокруг полно. С заходом солнца ворота запирают. Но пастухи вынуждены пасти стада как можно дольше: зимой день короткий, а травы много. Поэтому пастухам разрешалось вернуться после захода через этот лаз. В него может протиснуться худой пастух, овца или коза. Но у верблюдов – конечно, не пройдёт.

Сам Старый город представляет собой удивительное зрелище. Он очень древний и в то же время живой. По очень узким его улочкам ходят толпы туристов. А над ними, на балкончиках, стоят кадки с цветами и сушится бельё. Крохотная крытая щель, больше похожая на проход в переполненном складе – это нормальная улица. На ней торгуют хлебом и овощами и даже ездят на мотоцикле (надеюсь, только жители

города). Город отчётливо трёхмерен. Идёшь по одной улице, и вдруг под собой на три метра ниже видишь другую – римскую, с обломками колонн. Потом оказываешься на этой римской улице и понимаешь, что она живая – по ней ходят, ездят, на ней полно магазинчиков. Более того, римская улица стоит на обломках стен ещё более древней постройки. Посреди улицы есть колодцы, показывающие, что было на этом месте 3 тысячи лет назад.

Старый город – это настоящий Вавилон. Сюда съезжаются люди со всего мира, причём их происхождение порой видно по их костюмам. Вот спешит по делам католический монах (кажется, францисканец), рядом изучает развешенные ковры монашка какого-то другого ордена. Здесь шествует дама в традиционной эфиопской одежде. Там сидят на тротуаре босоногие негры. Тут чинно беседуют ортодоксальные евреи – с пейсами, в чёрных одеждах и чёрных шляпах. А рядом галдят голорукие и голоногие европейцы. Фотографируются на память весёлые израильские девчушки в военной форме. Сосредоточенно осматриваются юноша и девушка в бронежилетах и с автоматами наперевес.

Конечно, классические евреи больше встречаются не в христианской части города, а у Стены Плача. На площадь у стены и попасть непросто – стоят серьёзные пункты проверки, как в аэропортах. Стена – это всё, что осталось от ограды, подпиравшей то место, где стоял древний еврейский Храм. В сам храм могли заходить лишь представители одного из 12 колен израилевых. Поэтому участок рядом с храмом был выровнен и подпёрт стеной, чтобы и другие правоверные могли приобщаться к святыне. Сейчас от этой стены осталось метров 500, из которых 170 отдано религиозным евреям.

Выглядит стена потрясающе. Как-то сразу чувствуется её древность и первозданность. В отличие от христианских святынь, здесь святость разлита в воздухе, вероятно потому, что к стене люди подходят для того, чтобы пообщаться с Богом, интересы туристов остаются в стороне. У стены много верующих, которые истово беседуют с Богом, отрешась от земного. Удобнее всего это сделать, уткнувшись лбом в стену. Но не у всех хватает сил долго стоять, да и места у стены немного. Поэтому рядом стоят стулья, на которых можно посидеть лицом к стене. Чтобы ничто мирское не отвлекало, площадь у стены разделена на 2 неравные части – мужскую и женскую, каждая со своим входом. А чтобы туристы не мешали верующим, в 50 м от Стены стоит забор. Из-за забора можно подглядывать и даже фотографировать, но всё же близко посторонних к стене не подпускают. То есть подойти к стене может любой желающий, но лишь с благой целью. Я подошла, хотя места собственно у Стены мне не хватило (женская часть весьма невелика), и я не стала отнимать место у истинно верующих.

Ксожалению, времени у нас было мало. Поэтому мы увидели лишь малую часть Старого города, который сам по себе очень мал. Скажем, мусульманские святыни мы видели лишь издалека. Их трудно не увидеть. Золотой купол Мечети Скалы возвышается над городом и является символом Иерусалима. Менее броские, но более важные мечети также стоят рядом. Главное ощущение от поездки – нужно непременно приехать сюда ещё раз и походить самим, без толп. Как говорят на прощанье настоящие евреи:

“В следующем году в Иерусалиме!”.

Эйлат. Заканчивали поездку мы в Эйлате. Израиль отвоевал себе 12 км побережья Красного моря, где и стоит город Эйлат. Практичные израильтяне используют это "окно в Азию" на полную катушку. Конечно, здесь есть порт – для рыболовецких, прогулочных и серьёзных транспортных судов. Египет значительную часть своих доходов получает с Суэцкого канала, просто беря плату за проезд. Желаящих пройти по каналу так много, что они стоят в очереди по нескольку дней. Израильтяне не могли упустить возможности на этом заработать. Так, например, суда с японскими автомобилями разгружаются в Эйлате. Здесь автомобили грузят на трейлеры и по прекрасным дорогам гонят на Средиземное море. Весь Израиль с юга на север – это всего лишь 450 км. Ясно, что перегон через Израиль занимает всего несколько часов и позволяет перевозчикам серьёзно экономить время.

Эйлатский залив очень тёплый и очень солёный (по морским меркам, с Мёртвым морем не сравнить). Поэтому здесь расположен самый северный в мире коралловый риф. На рифе построена так называемая подводная обсерватория. Это целый парк, позволяющий рассмотреть морских обитателей. Обсерватория позволяет погрузиться под воду, оказавшись внутри “аквариума”, стоящего на рифе. Вокруг за стеклом растут кораллы и свободно плавают рыбы. Рыб никто сюда не загоняет, поэтому увидеть можно тех, кто подплывёт в данный момент. Тем не менее живности всегда много. Лишь одна крупная рыба явно проявляла склонность демонстрировать себя и фотографироваться - это рыба-попугай, переливающаяся всеми цветами радуги. Но самое потрясающее впечатление производят сами кораллы. Какие цвета и формы! Просто поверить невозможно, что такое бывает. Есть кораллы, напоминающие цветы, капусту, гербарий, нити, забытую арматуру и т.п. Слова бессильны, а фотографии сквозь стекло, к сожалению, красок не передают. Для тех, кто отчаялся сфотографировать что-нибудь внизу, есть аквариумы на поверхности - со стёклами и без. В небольших открытых бассейнах плавают рыбы, которых на взгляд северянина в природе быть не может. Уж больно у них пластмассовый вид: яркая синяя шляпка, глаза-шарики прилеплены снаружи и т.п.

В бассейнах покрупнее лежат на дне метровые скаты (+ ещё метровый хвост). Плавают огромные черепахи – тоже в человеческий рост, но во много раз толще. Когда черепаха вылезает из воды, оказывается, что она вся обросла водорослями. В закрытых океанариумах плавают акулы (небольшие и мирные). А уж в маленьких аквариумах – полное разнообразие красок и форм. Морские коньки и иглы, и множество ярчайших рыб с хитрыми латинскими названиями. К стеклу прилипла полуметровая рыба-прилипала, демонстрируя рифлёную подошву. Израильтяне гуманны, прилипла сидит одна. В Японии я видела, как две метровые прилипалы путешествовали на полутораметровой акуле. В парке можно провести по крайней мере полдня: кроме аквариумов есть ещё прогулка на лодке со стеклянным дном и кинотеатр с эффектным рассказом о морских обитателях.

Но у нас времени очень мало. Успели ещё только погулять по городу и съездить “в пустыню на верблюдах”. Здесь, как всегда, реклама немного надует, но всё равно

здорово. Полуторачасовая прогулка по пустыне на самом деле означает, что караван ходит туда-сюда по ущелью между скал.

Верблюды (точнее, верблюдицы) спокойные, ленивые. Лишь одна, на которой ехал погонщик, пыталась с ним темпераментно спорить. Получился захватывающий диалог. Ездили на закате, жары не было, но и эффектного заката за горами не видно. Зато видели пустынных лисиц. Увы, сфотографировать их очень трудно. Не потому, что маленькие и пугливые, а потому, что их окраска совершенно сливается с окружающей средой. А тут ещё сумерки подступают. Из голых скал в паре мест торчат деревца (в 10 м над дном ущелья). Про одно из них погонщик сказал, что у него корни проходят сквозь скалу и дотягиваются до воды. Про другое - что оно умеет впитывать выпадающую росу (как вельвичия в пустыне Намиб). Правда разговор вёлся на смеси обрывков английского и языка жестов, так что часть информации приходилось домысливать. Кстати, несмотря на то, что в Израиле полно русских (точнее, выходцев из СССР), говорить нередко приходилось по-английски. Вероятно наши соотечественники всё же предпочитают север Израиля, где климат помягче. Школьных знаний языка хватает, но возникает и недопонимание. Скажем, цену на бокал вина мне назвали “фифти” (50), а на следующий день выяснилось, что имелось в виду “фифтин” (15). Но тут уж цифры написали на бумаге.

В довершении прогулки для нас устраивают “бедуинский чай”. В совершенно чёрном от копоти алюминиевом чайнике заваривают травы. На костёр кладут кусок железной сферы (вроде старых детских санок-ледеянок). Разводят муку с водой, на камне раскатывают тесто, перебрасывая блин с руки на руку добиваются его минимальной толщины и шмякают на “плиту”. Таким образом за несколько минут получаются свежие готовые лепёшки. Вкус обычный, но зола поскрипывает на зубах, что вызывает лёгкое отторжение. В добавление к блюду подают набор сыров. Так как вкус мне не знаком, подозреваю, что хотя бы один из сыров сделан из верблюжьего молока. По окончании развлечений мы оказались в темноте в пустыне в 10 км от города. Выбирайся как знаешь. Но всё оказалось довольно просто: по мобильнику можно вызвать такси, которое тут же к тебе приезжает.

Город Эйлат поделён на 2 части: собственно город, с разнообразными, в том числе и весьма неприглядными домами, и район отелей. Разделяет две части ... взлётная полоса местного аэродрома! Причём садятся сюда не только крохотные самолётики, но и довольно крупные экземпляры, вроде нашего ТУ-154. Тем не менее особого раздражения их шум не вызывает. Сама полоса идёт прямо вдоль городской улицы, отделяясь от неё лишь прозрачным забором, вдоль которого прогуливается солдат с автоматом.

Море сильно вдаётся в район отелей. Здесь созданы искусственные бухты – стоянки для яхт. Через протоки перекинуты разводные мосты, которые разводят, когда яхтам с высокими мачтами нужно выйти в море.

Окружает город всё та же пустыня, с одной стороны просматривается Иордания (граница прямо за городом), с другой, за горами – Египет (тут всё же колючая проволока натянута и автоматчики на блокпостах). Морскую воду и здесь выпаривают

в огромных искусственных заводах. Что с ней делают дальше – не знаю.

Улетали мы из того же аэропорта Увда, который ухитрился сильно подпортить настроение. Нас предупреждали, конечно, что служба безопасности очень въедлива, и мы были готовы отнестись к этому полным пониманием. Без малейшего раздражения мы позволили перевернуть содержимое чемоданов, продемонстрировав всё, что от нас хотели. Но полтора часа в очереди, стоя в духоте! А потом ещё 2 часа задержки самолёта из-за того, что не всех успели досмотреть! Что удивительно, после таких строгостей нас выпустили на поле и сказали: идите к тому зелёному самолёту. Не перепутайте, белый летит в Париж. А в самолёте при гудящих моторах нас ещё час пересчитывали и сверяли со списком! В общем, пассажиры дружно ныли, что больше сюда – ни ногой. Тем не менее общее впечатление от поездки осталось очень приятное. Даже возникла мысль, что здесь мало побывать. Сюда нужно заезжать.